

Мария Полянская
Притчи о Страннике

Мария Полянская
Притчи о Страннике

«Издательские решения»

Полянская М.

Притчи о Страннике / М. Полянская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937663-3

Притчи о Страннике и другие рассказы, вошедшие в сборник, — цикл философских притчей о жизни, любви, смерти и мудрости, объединенных не только общей формой, но и вымышленной страной, в которой происходят события, и сквозными линиями главных героев.

ISBN 978-5-44-937663-3

© Полянская М.
© Издательские решения

Содержание

Притчи о Страннике	6
Притча о притче	7
Притча 1. Странник и костер	8
Притча 2. Странник и женщина	11
Притча 3. Странник и учитель	16
Притча 4. Странник и жена	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Притчи о Страннике

Мария Полянская

© Мария Полянская, 2018

ISBN 978-5-4493-7663-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Притчи о Страннике

С. Страннику посвящается

Притча о притче

Притчи о страннике пришли ко мне таким же образом, как и сам странник, присевший однажды у моего костра. Была холодная горная ночь, сменившая палящий дневной зной, был костер, посылавший искры в темно-синее замерзшее небо, был я – молодой и неопытный воин, попавший в эти горы ради несправедной цели, но по собственной глупой воле, и был странник – высушенное за годы скитаний человеческое существо без возраста и пола, с глухим скрипучим голосом и длинной неопрятной бородой. Много ночей, пока длилось мое пребывание в горах, мы провели, сидя за костром в неспешной беседе. Точнее будет сказать, сначала говорил я, опираясь на силу оружия и убеждений, прочно осевших в моей голове, а странник молчал и слушал, но постепенно все менялось, и вот уже я, оскудев словами и чужими мыслями, молчал, а странник вел неторопливое повествование, пока продолжалась ночь, отведенная мне на бодрствование. Когда же на небе проступала бледная заря, странник вставал и исчезал до тех пор, пока мне вновь не выпадала бессонная ночь и его неспешные разговоры. Мои сослуживцы, такие же воины, как и я, посмеивались надо мной, потому что когда новый караул приходил к костру, я сидел один, очарованный все новыми и новыми притчами, но никого рядом не было, и мои товарищи считали, что я подвержен особой горной болезни – восприятию древних духов или того, что от них осталось. Тщетно просил я странника хотя бы раз показаться моим товарищам на глаза – он лишь посмеивался в ответ и говорил мне, что всему свое время. Придет и твое, добавлял он, и тогда твои воины узрят меня и тебя в истинном облике, пока же нам стоит каждому находиться на своем берегу.

Память никогда не изменяла мне, но удивительно то, что я запомнил не все притчи, рассказанные мне странником. То ли некоторые из них казались мне удивительно знакомыми, словно я слышал их раньше, то ли я пропустил их через сито своей памяти потому что они поразительным образом походили на мою собственную жизнь, то ли странник сам не желал, чтобы они сохранились во мне для будущих поколений, не знаю. Другие же, напротив, так затронули мою душу, что я не могу остановиться и все повторяю и повторяю их там, куда прихожу по воле бога и по прихоти собственных ног. Вот некоторые из них, заботливо вложенные странником в мою душу воина и перетряхнувшие ее точно так же, как поступает хорошая хозяйка, когда взбивает старую слежавшуюся перьевую подушку.

Притча 1. Странник и костер

В то время Странник только начинал свой долгий путь. Когда-то давно, в прежней жизни, у него был род, дом, жена и ребенок, но он оставил их, влекомый каким-то странным, никому в его роду неведомым чувством, заставившим его сначала покинуть отчий дом, потом оставить семью, чтобы с тех пор никогда не останавливаться. Нельзя сказать, что Странник путешествовал всю жизнь – это было бы неверно, ибо очень часто Странник подолгу и с удовольствием жил то в одной, то в другой деревне, а случалось ему останавливаться и во дворцах сильных мира сего, и тогда странник не гнушался ничем – ни дорогими изысканными кушаньями, ни роскошными мягкими постелями, ни прекрасными доступными женщинами. Да и то сказать, кто бы на его месте лишил себя столь редкостных удовольствий. Справедливости ради, однако, заметим, что стоило Страннику вновь почувствовать в груди чуть пониже левого соска странное тянущее движение, как он тут же собирался, благодарил гостеприимных хозяев и немедленно покидал их дом, дабы сосущее чувство не переползло по телу в голову и ее не охватил нестерпимый жар. Странник по опыту знал, что промедление смерти подобно, и не мешкая, отправлялся в новый путь. В те годы странствий Странник был еще слишком молод и не особенно задумывался над природой сосущего чувства под левым соском. Зато он хорошо усвоил уроки первых лет, когда малейшее отступление от этого заведенного правила означало затяжную, невыносимую боль в голове и сведенных судорогой мышцах лица, потому и предпочитал исчезать внезапно, не обременяя хозяев долгими проводами и лишними слезами. И стоило ему покинуть деревню, или хижину, или дворец, как сосущая боль под левым соском отступала, голова, наливавшаяся было белой пеленой безумия, прояснялась, и Странник вновь становился весел и приветлив. Много позже, в зрелом уже возрасте, Странник изучил свою редкую болезнь лучше столичных лекарей и знал, что в ней случается всякое – и внезапный жар в членах, и холодное расчетливое безумие, и страстная, неотвязная любовь, и черная неукротимая ненависть, но все это – последствия одного крохотного сосущего чувства. С тех пор прошло много лет, но Странник хорошо помнит, когда в первый раз сосущая боль под левым соском укусила его в самую душу и зажгла в нем негасимое пламя.

В ту пору Странник был еще молод и шел по плоскогорью между двумя хребтами, на чьих островерхих спинах всегда ночевали белые облака и серые грозовые тучи. Когда на хребтах лежали облака, солнце светило ярко, и дни были теплыми, а ночи – прохладными. Но когда на хребтах висли серые тучи, днем шли непроглядные дожди, а ночи были промозглыми, и странника не спасал даже хороший плащ, подаренный ему в одном из богатых домов. Напрасно он кутался в накидку – ночной холод подползал к самому телу и лизал его ледяным языком. И тут Странник заметил, как с неба золотым дождем сыплются звезды. Это было так необычно, что Странник пошел на их свет и вскоре увидел костер, горевший рядом с хижинкой у горной реки. Огонь так высоко выстреливал в небо искры, что казалось, что это с неба прямо в костер падают звезды.

Когда Странник подошел к костру, то увидел юношу, почти что мальчика, подбрасывавшего в огонь сухие иголки, которые и летели в небо так, словно звезды, обжегшиеся в костре, одна за другой возвращались назад. Странник поприветствовал юношу и, спросив разрешения погреться у огня, всем озябшим телом потянулся к теплу. Немного погодя была готова нехитрая похлебка, а затем юноша вскипятил воду и заварил чай. Насытившись, Странник спросил у юноши, показывая рукой на хижину у себя за спиной: скажи, зачем ты развел костер не в хижине, а снаружи? И юноша ответил: если бы я развел огонь внутри и грелся бы в тепле, разве бы ты заметил мой костер? И Странник был вынужден признать, что юноша прав, хотя

такой ответ удивил его, ведь он означал, что юноша знал, что Странник придет на его зов. Нет, ответил юноша Страннику, когда тот задал ему вопрос, откуда же мог я знать, кто окажется сегодня ночью в пути. Но я каждой ночью развожу костер рядом с хижинкой, и подбрасываю в него сухие иголки, пока не рассветет, а до меня это делал мой отец, и я маленьким мальчиком ночи напролет сидел рядом с ним у костра, а до него это был мой дед, и я помню, как спеленутым младенцем лежал у него на коленях и смотрел в синее небо, расцвеченное золотыми искрами, пока он рассказывал мне о наших предках, живших в этой долине с незапамятных времен. С тех пор, как наш род поселился в этой хижине, ни один путник не умер холодной смертью в этих страшных местах, добавил юноша с гордостью и подбросил иголок в костер.

Ночь прошла незаметно, к утру Странник и юноша потушили костер и ушли спать в выстуженную хижину, нагретую лишь к полудню. Следующей ночью было опять холодно, и всю ночь юноша просидел у огня, а Странник развлекал его беседой и затейливыми историями. И так повторялось каждой ночью, что юноша занимался костром – заготавливал пищу для огня, подбрасывал ветки и хвою в костер, варил похлебку, готовил чай, а Странник, удививший на целый день в горы или блуждавший вдоль реки, возвращался к вечеру обратно и вновь вел неспешные беседы. Юноша привязался к Страннику всем сердцем, что немудрено понять – ведь он жил совсем один. Надо сказать, что и в сердце Странника тоже отыскался уголок для мальчика, рано лишившегося родных. По возрасту юноша годился ему в братья, и так как Странник давно покинул отчий дом, то юноша был ему живым напоминанием о давно оставленной семье.

Так прошло много времени, юноша продолжал один заботиться о крове, пропитании для костра и для них самих, а еще для многочисленных путников, проходивших этими неприступными к человеку горами. Но однажды он обратился к Страннику с просьбой выслушать его. Я остался один еще маленьким мальчиком, сказал он, подбрасывая иголки в костер, и с тех пор вынужден заботиться о себе и о своем призвании сам. Но небо сжалилось надо мной и послало мне тебя – старшего брата, которого у меня никогда не было. И пусть нас родила не одна мать, и не один отец, но после стольких дней, проведенных бок о бок на ночном холоде, ты мне как брат, и я прошу тебя – стань моим братом по духу, будем вместе заботиться о ночных путниках в долине. Мы построим еще одну хижину вниз по течению, куда не долетают отблески искр моего костра, и тогда во всей долине путникам будет, где преклонить голову на ночь. Ночью мы будем жечь костры, днем – заботиться о хлебе насущном, потом женимся, родим детей и увеличим наши роды, и тогда эти горы перестанут зваться самыми страшными и пустынными местами во всем подлунном мире.

Сказав это, юноша весь дрожал в ожидании ответа, но что мог сказать ему Странник, если в этот миг он ощутил странное сосущее чувство под левым соском. Обещав юноше дать утром ответ, Странник уже знал, что стоит тому задремать, утомленному еженощной борьбой с холодом, как он навсегда покинет эту ледяную долину под синим небом, не попрощавшись, не поцеловав ребенка в рано поседевшие виски, не оставив после себя ни единой весточки на память. Сидя у костра, Странник чувствовал, как сухой огонь боли охватывает его голову, сжимает ее, выдавливая из нее мысли и чувства. Странник ждал только одного – лишь бы юноша скорее заснул, чтобы как можно скорее оставить место, ставшее источником страданий. Уходя, Странник оглянулся на веселый костер, так и сыпавший искрами в небо, и продолжил свой путь без сожаления об оставленном позади юноше и той части своей жизни, которая с тех пор принадлежала уже не ему. Странник всегда оставлял позади себя руины прежней жизни, потому что в том месте, куда направлялись его стопы, не было места прежнему, отжившему, оставленному. Оно сгорало в пламени, пожиравшем его голову с тех самых пор.

Все последующие годы Странник и не вспоминал о юноше у костра, как не вспоминал о хижинах и дворцах, о женщинах и детях, о винах и яствах, но однажды, много лет спустя, Странник вновь оказался в той долине, столь негостеприимной к ночным путникам. Как и в первый раз, на хребтах висели холодные серые облака, Странник был уже стар и дрожал от холода сильнее прежнего. Тщетно вглядывался он в ночное небо в поисках золотых искр – небеса были пустыни. Тщетно напрягал он ослабевший слух, ожидая услышать отзвуки голоса или треска сучьев – вокруг было необычайно тихо. Холод сковывал Странника по рукам и ногам, стеснял дыхание, леденил кровь, так что Странник сначала сел на землю, а потом лег, в ожидании неминуемой гибели. На его счастье, мимо ехал окрестный князь со своими слугами – они-то и подобрали почти до смерти замерзшего путника. Отогретый в теплом жилище, напоенный имбирным вином, Странник спросил своего благодетеля, что же случилось с знаменитым родом, спасавшим долину столько веков подряд от ночных смертей. И тогда князь ответил ему так. Ты прав добрый путник, ибо так и было много веков подряд, пока славный род ночных костровых жил в хижине у реки в том самом месте, где мои слуги нашли твое бездыханное замерзшее тело. Но однажды, когда я был маленьким мальчиком, с костровым случилась беда. Дело в том, что он опасно заболел – его терзала жестокая лихорадка, и он не смог насобирать днем достаточно сучьев, чтобы ночью досыта накормить костер и самого себя. Его хватило лишь на половину ночи, а это была необычайно холодная пора года, когда звезды звенят от мороза, примерзнув к небесному своду, и стоило костру погаснуть, как у него не достало сил разжечь огонь горячечной рукой. Утром его нашли окрестные крестьяне, но он был уже мертв. И вот что удивительно, путник, прибавил князь, над потухшим костром висел котелок, в котором оставалась половина похлебки, а рядом с костром замерзал второй ломоть хлеба, припасенный для кого-то, кого ждал несчастный юноша всю ночь, замерзая под звездами. У нас говорят, что он ожидал своего названного брата, покинувшего его столь же внезапно, как и пришедшего к нему. У нас говорят еще, что допей он похлебку до конца и насыться тем куском хлеба, и этого могло бы хватить до наступления утра. Но костровой знал, что брат его может вернуться в любую минуту, голодный и холодный, и потому он предпочел умереть, лишь бы встретить брата достойно. Поэтому, добрый путник, тебе действительно несказанно повезло, что ты остался жив этой ночью в наших неприветливых местах, прибавил князь и приказал добавить сухой хвой в очаг. Пламя весело заиграло на каменной кладке, во все стороны полетели золотые искры, но Странник уже не мог радоваться их легкому танцу, как тогда, когда вместе с костровым сидел у огня под синим куполом ночи. Он хорошо знал, кому предназначался тот кусок хлеба и та похлебка, которые могли бы спасти не только кострового и его самого, но и всех путников, пересекавших долину в последующие годы. И это знание причиняло боль Страннику, хотя он был уже стар и почти не ощущал ни сосущего чувства под ложечкой, ни сожаления о былом, ни страха перед будущим. Ничего уже не было, а боль пришла и осталась со Странником навсегда, как будто его насквозь прожигали веселые золотые звезды.

Притча 2. Странник и женщина

Судьба была милостива к Страннику и посылала ему множество женщин, и Странник не гнушался ее дарами – он любил их всех. Он любил женщин, живших во дворцах, и женщин, ютящихся в хижинах, непростительно молодых и безнадежно старых, тонких от рождения и полных от жизни, белых кожей и черных душой, он любил их всех и не делал между ними различий. Жизнь приучила его к тому, что за каждым поворотом его ждет новая женщина – словно новая дорога, или еще один плоток вина, или свежая лепешка, которые любишь только за то, что они – есть. Странник не задумывался о том, что происходит с теми женщинами, от которых он уходил, как не задумывается рот о судьбе той пищи, которую глотает, как не задумывается путник о реке, в которой купается, он просто уходил туда, куда влекло его сосущее чувство в левой груди, зная, что рано или поздно в его жизни произойдет новая встреча, новая дорога, новая женщина.

Однажды Странник гостил в богатом доме – полная чаша, возлежал с гостями на пиру, пил молодое вино и был благодушен и спокоен. Всегда препоясанный мечом, в тот день он снял оружие и ничем не отличался от остальных пирующих. Среди гостей было множество прекрасных женщин, и некоторые из них бросали на Странника быстрые взгляды, полуприкрытые длинными мохнатыми ресницами, и покачивали бедрами, словно в такт утомительной любовной игре, и дышали чуть сильнее обычного, так что их полные упругие груди волновали легкую ткань, и это не укрылось от внимания Странника. Однако среди них была одна женщина, которая вела себя совсем по-другому. Высокая, статная, богато одетая, затейливо убранная дорогими украшениями, она смотрела прямо в лицо Странника, словно пытаясь прочесть его душу, а потом отвернулась и подозвала служанку. Через некоторое время юркая девица рука выманила Странника из зала и тонкий голосок пригласил посетить ее госпожу завтра в утренние часы. Странник обещал всенепременно быть, ибо в те годы был еще молод и душой и телом и никогда не отказывался от вкусных плодов в надежде на то, что сад впереди будет еще изобильнее. В назначенное время он вошел во дворец, где та же молодая служанка, закрыв лицо покрывалом, провела его к госпоже и оставила их одних. Склонившись почтительно, но не подобострастно, Странник огляделся вокруг. Женщина, пригласившая его, сидела у прекрасного фонтана во внутреннем дворике и играла с детьми – прелестными малышами, едва вставшими на ноги. Странник был немало удивлен этому странному обстоятельству, однако продолжал хранить молчание. И тогда женщина подняла на него глаза, полные темной муки и боли, и стала говорить, лаская детей рассеянной рукой:

– Позволь мне поблагодарить тебя за то, что ты принял мое приглашение, пусть и не ведая того, зачем я оторвала тебя от твоих странствий. Я знаю, что ты воин, хотя в тот вечер ты отложил меч в сторону и был весел и пьян, как все. Я вижу это по благородному развороту твоих плеч, пусть и под праздничной одеждой, по зоркому взгляду твоих глаз, пусть и затуманенному влагой вина, по силе руки, сжимающей чашу. Едва увидев тебя на пиру, я поняла, что ты послан мне небом. Я хочу нанять тебя, чтобы убить одного человека, и заплачу тебе за это так щедро, как это только возможно. От тебя требуется только одно – исполнить мою просьбу и после покинуть наш город, об остальном я позабочусь сама.

Странник вежливо поклонился женщине в знак признания его воинских заслуг, и ответил ей следующее:

– О, прекрасная госпожа, тот ли я человек, чтобы судить тебя за то, что ты задумала, однако осмелюсь сказать, что и я, не раз лишавший человека жизни, испытываю душевный трепет при мысли об убийстве. Так ли твердо твое убеждение в том, что этот человек достоин смерти?

И женщина, опустив голову, отвечала ему:

– О да, странник, человек этот достоин смерти. Разве не подлость – предавать того, кто любит тебя всем сердцем и верен тебе всей душой, разве не низость – изменять тому, кто жизнь за тебя готов отдать, разве не преступление – отдавать свое тело тому, кто тебе не предназначен?

И Странник:

– Означает ли это, госпожа, что ты задумала отомстить своему мужу из жгучей ревности или наказать любовника за невнимание?

И женщина:

– О нет, Странник, муж мой – прекрасный человек, и он любит меня всем сердцем и верен мне всей душой. Есть у меня и любовник – и я люблю его всем сердцем и верна ему всей душой. И есть я – недостойная верности мужа, недостойная преданности любовника, а достойная смерти, и именно себя я прошу убить за достойное твоего деяния вознаграждение.

И женщина бросила на пол увесистый кошель с деньгами, продолжая говорить:

– Моя жизнь стоит теперь этих денег, ибо я неверная жена, нерадивая мать, нечестная любовница – я люблю человека, за которого никогда не выйду замуж, а не люблю мужа, давшего мне все – дом, детей, богатство, знатность. Сколько бы я ни пыталась отрешиться от своей пагубной страсти, ничего не выходит – стоит нам разойтись, как мы сходимся вновь, и так продолжается бесконечно, и никто из нас не в силах затоптать источник, из которого мы оба жадно пьем. И когда я увидела тебя на пиру, то решила – ты послан мне небом, суровый воин, безжалостный странник, ибо слава твоя бежит далеко впереди тебя. Ты убьешь меня во сне, и так сохраню я доброе имя своего мужа и детей, и не потревожу совести своего любовника, и избавлюсь от пытки, разрывающей меня каждую минуту, словно блудницу, привязанную к повозке с горячими лошадьми.

Странник нагнулся, взял кошель с деньгами и так отвечал женщине:

– Госпожа, ты сама себе хозяйка и твое дело решать – что делать и чего не делать. Мое же слово такое – я согласен избавить тебя от смертной муки, однако позволь мне побыть немного в твоей жизни, приглядеться к тебе и твоему дому, посмотреть на твоего любовника, чтобы ловчее и безболезненнее лишить тебя жизни в самый подходящий для этого момент.

И женщина ответила ему согласием, пригласив его погостить у себя. Так Странник познакомился с мужем женщины, и с ее братьями и сестрами, которых она привечала в своем доме, и с ее детьми, и с ее милыми подругами. Каждый день открывал Страннику что-нибудь новое в облике женщины – она была мастерица ткать ковры и рассказывать сказки, готовить необычные кушанья и танцевать танец живота, скакать на лошади в мужском седле и утешать влюбленных служанок. Каждый день приносил Страннику все новые и новые доказательства любви мужа к своей жене – то кольцо с редким камнем, то молодого олененка, то дорогую ткань на платье дарил ей муж, чтобы вызвать на ее прекрасном лице хотя бы легкую улыбку. Как любили ее дети, как не чаяли в ней души подруги, как благоговели перед ее красотой и добротой служанки, как склонялись перед ее умом домочадцы – все видел Странник и все замечал. И его сердце поддавалось ее очарованию, ибо она была не только красива, но и мила – как человек, как женщина, как мать, а это всегда казалось Страннику главным женским достоинством.

Мало-помалу Странник полюбил и ее мужа – благородного, смелого человека, готового ради нее на многое, если не на все, и ее детей – прелестных малышей, не сходящих с материнских рук, и ее многочисленных родственников, взявших на себя заботы о доме, но пришел день, когда он обратился к женщине с новой просьбой и сказал так:

– Госпожа, я живу твоей жизнью не первый десяток дней, но есть то, что ты скрываешь от меня – твою сокровенную любовь к человеку, которого ты скорее потеряешь с собственной

смертью, чем предашь отречением и возвращением к мужу. Позволь мне, встретиться с ним за одним столом, посмотреть ему в глаза, поговорить с ним о том, что ему дорого, и тогда я с легкой душой выполню твое поручение.

И женщина, вздохнув, ответила ему согласием и сказала ему имя того человека, которого любила. Тем же днем Странник отыскал дом, где жил избранник его госпожи, и вошел в него с улицы, словно праздный гость. Хозяин сидел за столом – он был простым незнатным человеком, зарабатывавшим на хлеб составлением купчих, завещаний, жалоб, переписыванием любовных виршей и прочими мелочами. С виду был он немолод, некрасив, и Странник с удивлением подумал о том, как мало он знает и понимает женщин, а особенно красивых, знатных и богатых женщин, у чьих ног лежат бриллианты, а они находят невзрачные камушки, чтобы тешиться ими назло всему миру, однако стоило хозяину лавки поднять голову, как Странник понял, как глубоко он ошибся. Перед ним сидел такой же воин как он сам – возможно, даже старше и опытнее, лицо его наискось пересекал шрам, причиненный кривой восточной саблей, глаза его светились умом и доблестью, израненные пальцы крепко и умело держали в руках перо. Цепко охватив взглядом Странника, хозяин приветствовал его так:

– Привет тебе, Странник, идущий издали в то же самое далеко, не ведающий отдыха и не знающий конца пути. Позволь мне угадать, что привело тебя в скромную лавку переписчика чужих мыслей. Не иначе как она – божественная госпожа – послала тебя сюда, но зачем – не затем ли, чтобы ты собственными глазами убедился, как мелок и незначителен тот, кого она отличила среди всех прочих?

Странник не ожидал подобной прозорливости и потому ответил весьма уклончиво, не желая оставлять за собой следов:

– Достойный человек, я не знаю, о какой из женщин этого города ты говоришь, но догадываюсь, что о прекраснейшей из них, и это делает тебе честь. Однако я зашел к тебе по чистой случайности, желая заказать у тебя любовное письмо к одной женщине, имя которой тебе неизвестно, и пусть оно останется в тайне.

Хозяин лавки покачал головой и ответил Страннику так:

– Поступай как знаешь, но твои помыслы понятны мне, я вижу твою голову насквозь, однако я готов выполнить твой заказ и составить письмо, прочитав которое твоя женщина увидит в тебе то, что она искала всю свою жизнь, и даже более того. Приходи за своим письмом завтра.

На следующий день Странник вновь посетил лавку переписчика, но на этот раз хозяин пригласил его присесть за низкий столик выпить чая, заваренного из горького чабреца. Угостив Странника, хозяин протянул ему сложенный вчетверо лист и начал говорить, не отводя глаз от его лица:

– Мне ведомо, зачем она посылала тебя ко мне, мне ведомо и то, зачем она пригласила тебя пожить в своем доме, ибо я немолод и достаточно опытен. Она дала тебе поручение убить себя, чтобы не разрываться между любовью ко мне и любовью к дому, мужу и детям, не в силах уйти и не в силах остаться. Я знаю, что она щедро заплатила тебе за собственную смерть, а такие люди, как ты, не отказываются ни от каких денег, и это мне тоже хорошо известно. Не буду удерживать тебя, но знай – если хотя бы один волос с ее головы упадет, ты нигде не будешь знать покоя, ибо я найду и убью тебя, чтобы ее кровь не осталась неотомщенной. Однако я и сам воин, и я не хочу тебе зла, потому у меня к тебе иное поручение, выполнив которое, ты разрубил узел, туго затянувший наши жизни в одну.

И, наклонившись к уху Странника, хозяин со спокойной улыбкой произнес несколько слов, не слышных посетителям лавки и понятных им одним, после чего вложил в руки Странника листок и сказал:

– А это твое поручение – я выполнил его, написав красивейшее в своей жизни любовное письмо, единственное в своем роде, предназначенное самой благородной в мире женщине, обреченной на то, чтобы брать в плен сердца мужчин, не желая того самой. Иди и отдай его той, кому хотел подарить, а об остальном мы условились.

И Странник покинул дом переписчика с письмом в руке, однако он не спешил передать его той, кому оно предназначалось. Теперь у него было два поручения и весь день, чтобы выбрать из них то, что было достойно исполнения. Странник бродил по городу, заходил в чайные и кофейные дома, любовался детьми, бегущими из школы, наблюдал за стариками, сидящими у ворот, и думал, думал, думал. К вечеру он уже знал, что делать. Препоясавшись мечом, Странник вошел в дом, в котором бывал уже не раз, и двери были открыты, потому что его давно ждали. Бесшумно пройдя темными комнатами, Странник проник в спальню, где слышалось глубокое ровное дыхание спящего человека. При свете луны, проникшем через решетчатое окно, Странник залюбовался одухотворенным лицом, таким прекрасным и мудрым во сне, а потом бесшумно взмахнул мечом, так, что ни одна капля крови не попала на стены. Сложив голову аккуратно в мешок, Странник так же тихо покинул комнату, как и вошел в нее. Теперь его путь лежал дальше.

Она проснулась сразу же, будто слышала его шаги или почувствовала биение сердца, невидимые для других. Она села на кровати, сбросив шелковые простыни, словно путы, на пол, и сказала ему:

– Хорошо, что ты пришел, ты так долго жил в нашем доме, что я испугалась – а вдруг ты откажешься выполнить мою просьбу, а ведь я заждалась тебя, муки мои невыносимы, дни не приносят мне радости, а ночи темны и полны греховного желания. Делай же то, о чем я попросила тебя много дней назад.

Однако Странник почтительно склонился перед ней в поклоне и протянул ей мешок со следующими словами:

– Моя госпожа, ибо только так я могу называть тебя с тех пор, как близко узнал твой дом, твоих близких и того, кого ты любишь больше себя, спешу сообщить тебе, что я уже выполнил твое поручение. Ты просила избавить тебя от пытки, разрывающей тебя между любимым и домом, мужем, детьми, и я сделал это. Ты дала мне возможность пожить твоей жизнью, полюбить твой мир, и я сделал это. Ты показала мне, как надо ценить дары судьбы, и я сделал это. Ты подсказала мне, какое решение надо принять, и я сделал это. Прими же то, о чем ты меня просила, и пойми, что мы все вместе совершили то, что были должны и могли.

И с поклоном Странник передал женщине мешок, потемневший от крови. Побледнев, она развязала узел и тихо вскрикнула, увидев голову того, кого любила больше себя в этой жизни. Онемев от ужаса и горя, полными слез глазами она смотрела на еще живые черты человека, бывшего ей дороже всего, и не могла выговорить ни слова. Странник же меж тем продолжал говорить:

– Моя госпожа, поверь, мы оба понимаем, что это наилучшее решение, и так же думал тот, чью голову ты можешь еще раз подержать в своих руках, чьи губы еще мягки и нежны, чьи глаза еще помнят твое лицо. Он знал, что ты хочешь убить себя, и не мог этого допустить. Но еще меньше хотел он быть причиной твоих мук и нескончаемых страданий, потому что он сам попросил меня об этом, однако за день до этого он написал тебе самое прекрасное в мире любовное письмо – я знаю, я сам его читал. Сейчас ты последний раз поцелуешь поцелуями голову своего любимого, прочтешь письмо и запомнишь его слова навсегда, а потом я сожгу письмо и унесу мешок, и сегодня же вечером покину твой город, чтобы ты вечно хранила в памяти то, что должно оставаться в прошлом, дабы не повредить настоящему и не уничто-

жить будущее. А я пока что буду стоять у твоей кровати, потому что я не хочу, чтобы твои дети остались сиротами, а муж – безутешным вдовцом.

И все время, пока женщина в бессильном безмолвном плаче целовала нежные губы и полузакрытые глаза своего возлюбленного, пока читала, перечитывала и запоминала пламенеющие страстью и дышащие любовью строки письма, Странник держал ее за руки, чтобы она не натворила непоправимого. А когда в окне занялась заря, он сжег на пламени свечи письмо, положил голову в мешок и, не глядя назад, вышел из покоев женщины, незаметно выскользнул из дома и покинул город, где ему довелось познать самые глубокие в мире чувства и впервые в жизни нарушить данное им слово, и пойти против чувства долга, и убедиться в том, что разум не всегда добр, но всегда прав. И это было уроком Страннику, с тех пор избегавшему высоких дворцов, и прекрасных женщин, и опытных воинов, ибо такой урок всегда оставляет огромную незакрытую рану в сердце, пока оно еще бьется.

Притча 3. Странник и учитель

Как только Странник покинул дом, жену и сына, начались годы и годы бесприютных скитаний по миру, и зачастую, просыпаясь утром, Странник не сразу вспоминал, где он находится и что привело его сюда. День за днем дорога становилась его домом, прохожие – семьей, немощные калеки – детьми, и вселенная – одним большим садом, в котором он блуждал, разыскивая одному ему нужные ароматы.

Ибо Странник не просто так путешествовал по дорогам мира, его подгоняло вечное сосущее чувство под левой ложечкой – он искал себе учителя, одного-единственного учителя, подобного Иисусу Христу, Будде Гаутаме, пророкам Мохаммеду и Моисею. Странник знал, что именно желание найти учителя заставило его отречься от всего, что было ему дорого, вынудило его осиротить семью, побудило отказаться от хорошей пищи, сладкого питья, роскошных женщин, доступных богатств и вело его за собой в утомительных, а зачастую и опасных скитаниях. Но даже не это было самое тяжелое и страшное, потому что когда цель известна и достижима, можно вытерпеть любые лишения ради ее достижения, но что делать в том случае, когда цель, словно линия горизонта, все время пятится и отступает назад?

Именно это происходило со Странником из года в год. Каждый раз, приходя на новое место, привлеченный людской молвой, Странник находил себе нового учителя. Очарованный духовной красотой, мудростью и щедростью последнего, Странник присоединялся к хору восторженных почитателей и учеников. С тех пор он неотступно следовал за своим кумиром, слушал его, открыв глаза, уши и рот от усердия, ловил каждое его слово, жест и мысль, впитывал учение и мудрость, словно пересохшая морская губка, упивался знаниями учителя и тем, как прорастали в его собственной унавоженной почве, жил жизнью учителя, ел его хлеб и видел его сны. Однако эта идиллия продолжалась не так долго – вскоре наступал момент, когда Странник начинал замечать, что хлеб учителя – кисл, сны – нечестивы, знания – безнадежно устарели, да и сам он не ведает, что говорит и творит. С этой минуты Странник начинал видеть учителя и его жизнь в совершенно ином свете, словно у него открывались незрячие прежде глаза, и тогда кумир низвергался с пьедестала в грязь, где ему и надлежало быть, по мнению Странника. Однако и этого было мало – Странник легко переходил от беззаветной любви к открытой ненависти – он на каждом шагу поносил учителя, клеймил его учение, оскорблял его учеников, и так продолжалось до тех пор, пока учитель и его приверженцы не изгоняли Странника с позором и зачастую нешуточными побоями. Гордо подняв голову, уходил Странник на поиски нового учителя, и вскоре история повторялась, и так продолжалось бесконечно, пока Странник не исчерпал все возможности этого мира, перебивав в учениках у всех, кого люди почитали за мудрецов, наделенных умом и опытом.

К тому моменту Странник решил жить уединенно и выбрал себе под обитание скромную хижину высоко в горах, рядом с холодным чистым ручьем, там, где часто ночуют облака и гостят туманы. Часть пропитания он добывал себе скромной охотой, часть – в обмен на шкурки животных в предгорных селеньях, жил скрытно и тихо, завидев редких людей, уходил с тропы в чащу, особенно же избегал женщин и детей по причине их суетливости и неразумности. Еще выше по склону взялся он за постройку большого каменного дома, похожего на настоящую крепость – с бойницами, отвесными стенами, глубоким погребом-схронном, сторожевой башней и подвесным мостом. Дом этот был Страннику вовсе не нужен – не собирался же он на самом деле провести в этом богом забытом месте всю жизнь, однако он исправно занимался строительством, таскал снизу камни, доски, крепил, забивал, рыл, словом,

трудился, не покладая рук. Вскоре и местные крестьяне, и приезжий люд прознали о тайне Странника, и многие насмехались над ним и его неуклюжим каменным монстром, вырастающим на склоне горы. Слыша насмешку, Странник молчал, ничем не удостаивая обидчика, лишь желваки на его скулах ходили ходуном от незаслуженной обиды. Да и что было ему отвечать – он и сам не понимал, зачем ему нужна эта крепость – не служит ли она выражением обиды на несостоятельных учителей, не станет ли она памятником его гордыне и могилой его изнуренному телу, однако так уж он был устроен, что, единожды взявшись за дело, не мог оставить его незаконченным, а посему упрямо продолжал строить.

Однако чем больше выросло над скалами угрюмое и величественное сооружение, тем меньше смеха раздавалось вокруг. Люди с уважением и даже опаской стали смотреть в его сторону, когда он спускался вниз за сыром, маслом и вином, многие даже предлагали ему помощь за небольшую плату или вовсе без денег, но он неизменно отказывался. Внутри у него было чувство, что он непременно должен возвести в горах неприступное для внешнего мира жилье, хотя он и сам толком не понимал, зачем и кому это нужно.

Время шло, росла неприступная крепость, и постепенно вокруг нее стали селиться разные люди – пришлые и местные, служивые и крестьяне, богомольцы и дорожные разбойники. Странник упорно делал вид, что не замечает того, как вокруг его дома копошится и разрастается целый город, молча продолжая заниматься строительством, и охотой, избегая людей и всего, что с ними связано. Однако вскоре он заметил, что все они накрепко привязали себя к нему и его новому жилищу – одни из них с самого утра занимали очередь у входа в его замок, чтобы хотя бы кончиками пальцев дотронуться до его изношенных одежд, другие весь день ходили за ним по пятам с перьями и бумагой в надежде записать за ним хотя бы одно выпущенное им слово, третьи наблюдали за ним со стороны, по-своему истолковывая своим спутникам каждый сделанный им шаг, четвертые писали его портреты, пятые слагали о нем песни, шестые – и это были не только женщины – пытались соблазнить его, седьмые подражали ему во всем, восьмые – пытались с ним соперничать, девятые – помогали ему, десятые – мешали, и так до бесконечности. Из хозяина одинокого неприступного замка Странник превратился в удельного князька, обремененного хозяйством, лошадьми, людьми, которые к тому же звали его Учитель. Учитель, говорили они, ходя за ним по пятам, подсажи нам, как заработать себе на хлеб, учитель, канючили они, подай нам на воспитание детишек, учитель, молили они, защити нас от врагов, учитель, покажи нам, как жить праведно, и не было конца и края их просьбам, мольбам, слезам и крикам.

Сначала Странник недоумевал, потом громко возмущался, а потом смирился с неизбежным сбродом, толкущимся день и ночь около его жилища. Ему и в голову не приходило, что люди действительно считают его одним из величайших учителей мира, пока однажды к нему не подполз один из тех, кто преследовал его с перьями в руках, и не обратился к нему с просьбой. О, Учитель, сказал он, снизойди до нас, учеников твоих, и начни проповедовать. Молчание твое слишком темно для нас, поступки твои выше нашего убогого понимания, слова, скупно отпускаемые твоим ртом, нуждаются в истолковании не нами, а твой образ жизни слишком уединен и недоступен для нас. Напрасно мы ходим за тобой по пятам, напрасно ищем истину в твоих деяниях, напрасно подражаем тебе – все по-прежнему пусто в наших головах и душах. Спустись к нам с небес и объясни нам то, что остается сокрытым. Все мы смиренно молим тебя об этом, ибо обошли весь мир и не видали учителя выше тебя, мудрее тебя, скромнее тебя, святее тебя. И новоявленный ученик замолчал и почтительно простерся перед Странником в пыли.

Странник же стоял, пораженный ужасом и отчаянием до глубины души, ибо он ни секунды не считал себя учителем, то есть тем, кому есть что сказать этим людям в крайней нужде и нищете. Тщетно искал он в своей душе хотя бы частицу, хотя бы крупичку высокого знания, редчайшей мудрости, благородного великодушия, о которых толковал его ученик, но там было пусто – как бывает пусто в горах после бурного дождя, как бывает пусто в лесу после первого снега, как бывает пусто в степи после горячего ветра. Пусто и холодно было в душе Странника и он не чувствовал себя учителем еще и потому, что понимал, что остался один – нет больше в мире достойных учителей, нет больше под солнцем достойных духовидцев, нет больше под луной достойных странников, раз люди, собравшиеся вокруг его замка, пришли к нему за ответами на вопросы, которых он и сам не знал.

И потому он молчал, потрясенный этой тайной, вдруг открывшейся ему в своей простоте. Молчал и его ученик, лежащий в пыли, притихли женщины, не плакали дети, не кричали куры, не ржали лошади, не мычали коровы, казалось, сама природа ждала, пока Странник отверзнет уста. И он понял, что должен что-то сказать всем тем, кто ради него забрался в такую глушь и денно и ночью нес на себе его заботы, делил с ним свой хлеб и горе, спал рядом с ним, ел рядом с ним, жил его жизнью. Словно что-то теплое заструилось вдруг внутри Странника, как будто горячая кровь омыла его оледеневшее в странствиях сердце, и он почувствовал, что он в ответе за всех тех, кого призвал сюда, сам того не желая. И он почувствовал в своей груди... нет не любовь, а жалость, бесконечную жалость ко всем живым существам вокруг себя, и принял их в свое сердце, и открыл им свою душу, начав говорить.

Говорил Странник долго, страстно, убежденно, так, словно всю жизнь ждал этого момента, изливая накопленную мудрость и любовь на тех, кто молча слушал его. Свет струился из его уст, мед капал с его губ, руки его излучали сияние, а сердце его просвечивало сквозь грудную клетку. Сначала он будто ослеп и оглох, и ничего вокруг не видел и не слышал, однако вскоре он почувствовал, что его уже не слушают, как прежде. Он открыл глаза и уши и понял, что люди целыми караванами покидают его, спешно собирают свои скромные пожитки, сажают на арбы плачущих детей, сгоняют скот, и уходят, уходят от него. В недоумении Странник обратился к своему ученику, который уже больше не лежал в пыли у его ног, а, завернувшись в плащ, тушил костер и собирал золу, собираясь в долгий путь.

– Скажи мне, ученик, покидающий своего Учителя, – сказал ему Странник, – скажи, почему вы все покидаете меня? Скажи, почему пришли ко мне, когда я вас не звал, почему прилепились ко мне, когда я вас не любил, почему слушались меня, когда я вас не жалел и почему теперь уходите от меня, когда я забочусь о вас, почему теперь покидаете меня, когда я жалею вас, почему теперь бежите от меня, когда я говорю с вами?

И так ответил ему тот, кто не хотел более называться его учеником.

– Зачем нам учитель такой же, как и все мы – страдающий любовью, жалостью, переполненный состраданием и терпением. Мы ищем не доброго спасителя, а сурового судью, не помощника, а надсмотрщика, не ласку, а бич, ибо мы слабы и подвержены порокам, ибо мы ветрены и нуждаемся в исправлении, ибо мы не хотим быть ведущими, а желаем быть ведомыми. Зачем нам твоя правда жизни, нам потребна сладкая ложь, зачем нам твое учение о страдании, нам потребна несбыточная надежда. Что можешь ты дать нам кроме того, о чем мы сами страшимся даже и думать? Мы ждали от тебя рассказов о райских кушах, где ты побывал и куда поведешь лучших из нас, мы ждали от тебя рассказов о неземных девушках, которых ты знал и с которыми встретятся праведнейшие из нас, мы ждали от тебя рассказов о несметных богатствах, которые ты собрал и которыми поделишься со святейшими из нас, а что дал нам ты? Ничего, кроме горечи странствий, кислоты страданий, соли усталости, сладости возвращения, но что нам с этого, если мы и сами таковы? Поэтому мы уходим искать

нового Учителя, не такого как ты, не такого как мы, не такого, как все, а тебя презираем. Хлеб твой кисл, сны твои нечестивы, знания твои безнадежно устарели, да и сам ты не ведаешь, что говоришь и творишь.

И так плюнув Страннику в лицо, от него ушел его первый и лучший ученик, а вместе с ним ушли и остальные, захватив с собой немудрящий скарб, детей, скот, солому с крыш своих хижин и даже колья от ограды. Странник остался один посреди разоренного селения, над которым нависала угрюмая громадина холодного неприступного замка. Тогда он оглянулся и понял, зачем залез на эту неприступную вершину, зачем в трудах и нищете построил свой дом, зачем полюбил этих жалких людишек и зачем потерял их. И он рассмеялся и ушел с горы, не оглядываясь, чтобы больше никогда не создавать себе бездушных кумиров и не свергать их с неприступной высоты. Больше в его жизни не было ни учителей, ни учеников, ни любви, ни страдания, ни надежды.

Притча 4. Странник и жена

Когда-то давно, в самом начале своей жизни, Странник был юношей обручен с красивой темноволосой девушкой из соседней деревни, а потом женился на ней и родил сына. И все было в его жизни – и дом, и достаток, и милая жена, и здоровый сын, и крепкие еще родители, и старшие братья и сестры, но что-то мешало Страннику наслаждаться жизнью, которую охотно вели его родственники и соседи. Как будто все, что окружало его, на самом деле заслоняло от него целый мир, как будто все, что было ему дорого, сковывало его по рукам и ногам, как будто все, что он имел в этой жизни, отнимало у него то, что он еще мог бы познать. Как будто он жил не своей жизнью, а чужим сном и все хотел проснуться и открыть глаза.

И тогда Странник задумал уйти, уйти, внезапно, уйти незаметно, уйти навсегда, уйти не мешкая, пока еще есть силы, молодость и желание, пока не народились новые дети, пока живы родители и крепки братья и сестры. Уйти, оставив жене дом, сына, хорошее хозяйство и множество рабочих рук, готовых прийти на помощь. Странник всегда был скор на решения, и, дав себе три дня на размышление, он взял с собой лишь самое необходимое, справедливо рассудив, что его семье каждый кусок важен. Утром, еще до света, он выскользнул из дома, погладив жену и поцеловав сына. На секунду в его сердце шевельнулась жалость к тем, кого он так безжалостно оставил, но стоило ему выйти на большую дорогу, освещенную первыми лучами солнца, как он тут же поддался новому очарованию, о котором прежде мог лишь мечтать – очарованию свободы, бесприютности, пустоты, непредсказуемости, и сожаление покинуло его, и он забыл тех, кого еще недавно думал, что любил всем сердцем. Забыл не на словах – забыл так, словно их никогда и не было. Стерлись имена, затуманились черты лица, исчезли из памяти названия деревни и местности, забылись привычки, умерла сама мысль о том, что когда-то у него были близкие люди. По прошествии многих лет Странник привык считать, что у него никогда и не было дома, близких, семьи, словно он появился на свет в придорожной канаве от нищенки, бросившей его на произвол судьбы, выжил благодаря милосердию тех, кто случайно оказался рядом и никогда не знал материнского тепла и отеческой ласки, и всему в своей жизни был обязан самому себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.